

К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов

Эпштейн М.Н.

On philosophy of age. Fractal structure of life and periodic table of ages

Epstein M.N.

Университет штата Джорджия, г. Атланта, США

© Эпштейн М.Н.

Излагается фрактальная теория возраста, в которой терминология нелинейной динамики (синергетики) получает метафорическое звучание.

Ключевые слова: фрактал, нелинейная система, микроуровень и макроуровень, биологический возраст и возраст души.

The article represents the fractal age theory, where the terminology of nonlinear dynamics (synergetic) obtains figural sense.

Key words: fractal, nonlinear system, macrolevel and microlevel, physiologic and anima age.

УДК 573.7.017.6

У старости тоже есть детство... У старости есть зрелость. И у старости есть старость.

Андрей Битов, в разговоре с автором, 10 июля 2004 г.

Фрактальность — сравнительно новое понятие, пришедшее в науку в середине 1970-х гг. и быстро распространившееся на самые разные области знания, от математики и физики до экономики, биологии и океанографии. В музыке, архитектуре, изобразительном искусстве также найдено множество проявлений фрактальности; более того, возникают особые жанры и приемы творчества, основанные на сознательном использовании этого «магического» и вместе с тем вполне математического свойства. Фрактал (от лат. *frangere* — ломать, разбивать на части) — это неправильная, изломанная геометрическая форма, которая состоит из подобных же форм меньшего размера, которые, в свою очередь, состоят из своих уменьшенных подобий. Основоположник фрактальной теории американский математик польско-еврейского происхождения Бенуа Б. Мандельброт (род. 1924) исследовал береговую линию Англии, пытаясь определить ее точную длину, и пришел к выводу, что ее длина не определима, потому что бесконечно делима. Каждую

ее часть, включая осыпавшийся краешек земли и лохматую поросль мха на нем, нужно мерить отдельно, что в сумме, если бы можно было измерить ее до конца, до каждой молекулы и атома, могло бы дать бесконечную длину. Сколько ни делить рваную, лохматую береговую линию, получится столь же рваный, лохматый кусочек этой линии.

Важнейшее свойство фрактальности — **самоподобие**. Как бы мы ни делили фрактал, мы найдем в результате всех делений ту же самую исходную форму, только в уменьшенных подобиях. На вопрос, из чего состоит облако, фрактальная теория отвечает: оно состоит из меньших облаков, которые, в свою очередь, состоят из меньших облаков. Из чего состоят языки пламени? Из меньших языков пламени, которые внутри себя, делясь и уменьшаясь, все так же пламенеют и высовывают языки. Как показывает современная наука, фрактальны скалистое побережье, горная цепь, колеблющееся пламя, морские волны, облако, снежинка, колония плесени... Фрактал — это динамика самоподобия, которое воспроизводится на разных уровнях его деления или умножения. Всматриваясь в жилчатый узор листа, мы обнаружим, что каждая отдельная жилка в нем разветвляется точно так же, как и лист в целом, и самые тонкие, едва различимые

жилочки тоже делятся по тем же законам и образуют тот же узор. Повторяясь в каждой своей части и в частях этих частей, меняясь в масштабах, фрактал сохраняет свою структуру. И это не математическая фантазия, а единственно достоверный способ описать сложные явления нашего мира — неровные, извилистые, шероховатые, лишенные той идеальной гладкости, которую приписывала им дофрактальная наука.

Самоподобие может относиться не только и не столько к форме предмета или геометрической фигуре, сколько к свойству части воспроизводить статистические (усредненные) свойства целого. «Многие фракталы, встречающиеся в природе (поверхности разлома горных пород и металлов, облака, турбулентные потоки, пена, гели, контуры частиц сажи и т.д.), лишены геометрического подобия, но упорно воспроизводят в каждом фрагменте статистические свойства целого. Такое статистическое самоподобие, или самоподобие в среднем, выделяет фракталы среди множества природных объектов» [3].

Гуманитарное и философское мышление тоже начинает постепенно осваивать принцип фрактальности. По свойству самоподобия мир делится на уменьшенные подобия себя, мирки и мирочки. Пирамида жизни состоит из пирамидок меньшего размера, которые сами слагаются из еще меньших пирамидок. В принципе, и каждое понятийное целое состоит из множества своих уменьшенных подобий. Если, например, есть система, состоящая только из двух элементов: «ум» и «сердце», — то каждый элемент этой системы содержит в себе систему двух элементов, поскольку лишь вместе они воспроизводят целое. Есть умный ум и сердечный ум, умное сердце и сердечное сердце. Соответственно, мы можем выделить — схематично, только на этой шкале — четыре типа людей:

1. Живущие только умом, отвлеченной мыслью, принципами, законами и категориями, всецело погруженные в свое умозрение (ум ума).

2. Мыслящие страстно, вовлеченно, сводящие свое сердце в ум, исполненные эмоциональных порывов разума (сердечность ума).

3. Живущие преимущественно чувством, но вооружающие его сдержанной мудростью, сочувствием, благоразумием, сводящие свой ум в сердце (ум сердца).

4. Живущие только сердцем, его порывами и прихотями, подверженные страстям и не желающие или не удостоивающие думать (сердечность сердца).

Такой фрактальный способ описания: самоподобие целого во всех его последовательно делимых частях — можно применить к самым разным жизненным явлениям, требующим не математического, но вполне гуманитарного подхода. Далее мы попытаемся рассмотреть фрактальное устройство человеческой жизни, ее многократную делимость.

Человеческая жизнь, как известно, делится на возрасты. Чаще всего выделяются пять: детство, отрочество, молодость, зрелость, старость. Порою перед детством еще выделяется младенчество, перед молодостью — юность, а после старости — дряхлость. Но мы будем исходить из простой пятичленной схемы, потому что и она позволяет умножить число возрастов до 25. А в перспективе — сделать континуальным наше представление о возрасте, понять его как процесс непрерывного и циклического возрастания жизни.

Дело в том, что саму категорию возраста можно толковать расширительно. Это не только определенный период человеческой жизни, но и определенная фаза в становлении каждого периода. У периода детства есть свое детство, свое отрочество, молодость, зрелость и своя старость. У каждого возраста есть свой возраст. Старость каждого возрастного периода сменяется детством следующего периода. Таким образом, человеческая жизнь движется от детства детства к старости старости. При этом она проходит через пять детств, пять отрочеств и т.д., поскольку каждый из пяти ее основных периодов делится, в свою очередь, на те же самые пять периодов.

По приведенной ниже периодической таблице можно видеть, как циклически организуется время человеческой жизни. Каждый возрастной период — это целый цикл, вмещающий все фазы развития. По вертикали — основные периоды жизни, по горизонтали — фазы развития, повторяющиеся в разных возрастных периодах. Числа в таблице указывают на годы, которыми охватывается данный подвозраст (от детства детства до старости старости): от 0 до 80 и дальше.

Периодическая таблица возрастов

Возраст жизни	Фаза возраста				
	Детство	Отрочество	Молодость	Зрелость	Старость
Детство	0—1	2—3	4—5	6—8	9—10

Отрочество	11—12	13	14	15	16
Молодость	17—18	19—20	21—24	25—27	28—29
Зрелость	30—34	35—40	41—44	45—55	56—60
Старость	60—64	65—70	71—75	76—80	80—

По вертикали представлены пять основных возрастов, от детства до старости, а по горизонтали — пять фаз каждого возраста, также от детства до старости. Читая таблицу по горизонтали и переходя со строки на строку, мы движемся через все возрасты и их фазы (подвозрасты): в первой строке — от детства детства (первый год) до старости детства (9—10 лет); в последней, пятой строке — от детства старости (60—64) до старости старости (80—). Читая таблицу по вертикали, мы видим сходные фазы в разных возрастах: фазу детства — в детстве (0—1), отрочестве (11—12), молодости (17—18) и т.д.; фазу отрочества — в детстве (2—3), отрочестве (13), молодости (19—20) и т.д., вплоть до фазы старости — в молодости (28—29), зрелости (56—60) и старости (80—).

Развернем эту таблицу так, чтобы каждый возраст получил свое наименование (трудно вписать их в клеточки таблицы).

Перечень двойных возрастов (возрастов и подвозрастов)

Детство

- 0—1 — детство детства
- 2—3 — отрочество детства
- 4—5 — молодость детства
- 6—8 — зрелость детства
- 9—10 — старость детства

Отрочество

- 11—12 — детство отрочества
- 13 — отрочество отрочества
- 14 — молодость отрочества
- 15 — зрелость отрочества
- 16 — старость отрочества

Молодость

- 17—18 — детство молодости
- 19—20 — отрочество молодости
- 21—24 — молодость молодости
- 25—27 — зрелость молодости
- 28—29 — старость молодости

Зрелость

- 30—34 — детство зрелости
- 35—40 — отрочество зрелости
- 41—44 — молодость зрелости
- 45—55 — зрелость зрелости

56—60 — старость зрелости

Старость

- 60—64 — детство старости
- 65—70 — отрочество старости
- 71—75 — молодость старости
- 76—80 — зрелость старости
- после 80 — старость старости

Как видим, детская фаза повторяется в периодах детства, отрочества, молодости, зрелости и старости. Точно так же повторяются во всех возрастах и другие фазы: отрочество, молодость, зрелость, старость. И всякий раз, вступая в очередной возраст, мы последовательно переживаем внутри него и детскую неуверенность, и удивление миру, и отроческую ломкость, переходность, беспокойство... и постепенное старение, изживание данного возраста.

Числа, приведенные в клетках таблицы, условны, поскольку в данной статье обсуждается только сама модель двойного возрастного деления жизни. Эти числа стоило бы более детально сопоставить с данными возрастной физиологии и психологии. Тогда стало бы еще более очевидно, что внутри каждого возраста есть свои отроческие периоды, сопровождаемые резкой ломкой мироощущения, кризисом доверия и уверенности, отчуждением от окружающих, ростом негативизма, чувством смыслоутраты, которое приводит порой и на грань жизнеутраты (самоубийства). Первое отрочество случается уже в детстве. Возрастная психология отмечает переход от раннего детства к дошкольному возрасту как кризис трех лет, что в нашей периодизации совпадает с отрочеством детства, которое характеризуется тенденцией к самостоятельности и обостренно-негативным, ослушническим отношением к взрослым. Особый интерес представляет отрочество зрелости, период примерно от 35 до 40 лет, на который часто приходится так называемый кризис среднего возраста. В зрело-отроческом возрасте учащаются случаи самоубийств, разводов, экзистенциальных и семейных драм, возникает ощущение истощенной, обесмысленной жизни и нового отчуждения от мира.

Но если в зрелости есть место отрочеству, то есть и периоды зрелости, гармонического расцвета, акме в каждом возрасте. Есть периоды старости, когда мы прощаемся с детством (9—10), с отрочеством (16), с молодостью (28—29), со зрелостью (56—60), а затем готовимся и к прощанию с самой жизнью (кому как

повезет, но для современных западных обществ можно с толикой щедрости указать этот период как после 80). У каждого из указанных вертикальных возрастов есть свое мироощущение, которое их роднит вопреки разнице в возрастах горизонтальных. Молодого человека в возрасте под тридцать одолевает то же чувство конца молодости, изношенности своего возраста, необходимости переступить черту и усвоить привычки и «этос» следующего возраста, как и ребенка в 10 лет, который вырастает из своего детства, или подростка в 16 лет, который вырастает из своего отрочества, или человека на исходе зрелости, который чувствует приближение старости.

Есть в каждом возрасте и свое соответствие самому себе: детство детства, отрочество отрочества, молодость молодости, зрелость зрелости, старость старости. Эти автореферентные, самоподобные возрасты выделены в таблице жирным шрифтом и проходят по диагонали сверху вниз и слева направо. (Жирным выделены и соответствующие наименования в следующем за таблицей перечне возрастов.) Представляется, что эти клетки, где горизонтальное значение возраста совпадает с вертикальным, выделяют какие-то осевые возрастные состояния жизни, где она как бы вращается вокруг собственной оси. Два из этих «двойных возрастов» — детство детства и старость старости — прилегают к началу и концу жизни, задаются временем рождения и смерти. Три остальных возраста представляют собой центральные оси, вокруг которых вращается жизнь. Отрочество отрочества, примерно 13 лет, — это возраст «возбуждения страстей» (по древнерусской характеристике), первый возраст, дозволенный для вступления в брак (по иудейскому обычаю), время пробуждения пола, когда человек оказывается способен к производству подобных себе. И одновременно это возраст пробуждения самосознания, острой и порой мучительной саморефлексии — о своей внешней и внутренней личности, о своем месте и предназначении в мире. Молодость молодости, от 21 до 24 лет, это возраст, наиболее подходящий для бракосочетания и рождения первых детей, а также возраст профессионального самоопределения, завершения цикла ученичества и перехода в цикл самостоятельной деятельности и жизненного самообеспечения. Зрелость зрелости, от середины 40 до середины 50, — возраст совершенства, время наивысших профессиональных достижений, когда определяется место чело-

века в обществе и в памяти потомства, когда вполне (хотя и не окончательно) обозначается не только его личностно-созидательный потенциал, но и степень его актуализации. Таким образом, пять автореферентных, или «повторных», возрастов задают основные психофизические и социальные параметры человеческой жизни: за порогом рождения — детство детства, пробуждение пола и самосознания — отрочество отрочества, создание семьи и обретение социальной самостоятельности — молодость молодости, пора высших свершений, профессиональной и социальной самореализации — зрелость зрелости, перед порогом смерти — старость старости.

Вертикальный срез возрастной таблицы показывает, что возрасты не только сменяют друг друга, но и повторяются в человеческой жизни. Понимание этого должно усилить **межвозрастную** симпатию и сопереживание, которое обычно распространяется лишь на людей своего возраста. Как правило, мы больше всего солидаризируемся с людьми своей возрастной группы, разделяем их заботы и интересы, сопоставляем их достижения, надежды, удачи и неудачи со своими, а все, что далеко выходит за пределы нашего возраста, — до этого нам мало дела. «Эти совсем еще дети», «эта разудалая молодежь», «эти дряхлые старики» — это все «их» заботы, они вне круга нашей симпатии, экзистенциальной солидарности...

Но человек, приближающийся к порогу старости, вполне способен почувствовать экзистенциальную солидарность с молодым человеком, приближающимся к порогу зрелости, или с подростком, приближающимся к порогу молодости, или с ребенком, приближающимся к порогу отрочества. Между ними может возникнуть не менее глубокая солидарность, чем между людьми одной горизонтально-возрастной группы. Старый молодой человек, переходящий черту молодости, может почувствовать большую возрастную близость к своему отцу, переходящему черту старости, чем к своему же младшему брату, находящемуся в расцвете молодости, в «молодой» или «зрелой» ее поре. Периодическая таблица показывает нам новые конфигурации возрастных общностей и симпатий. Они представляют собой реальность не менее психологически достоверную и значимую, чем горизонтальные общности. Вертикальные дети, или вертикальные отроки, или вертикальные старцы образуют свою референтную группу, свою резонансную среду,

что может пролить дополнительный свет на природу межвозрастных симпатий и способствовать формированию новых, вертикальных сообществ.

Вообще **вертикальные сообщества** — еще не исследованная и социально-психологически не реализованная модель организации межчеловеческих симпатий, гравитационных линий групповых и межперсональных взаимодействий. Мы все еще мыслим о возрасте (и о других социально-психологических категориях) преимущественно по смежности, синтагматично, метонимически, а не по структурному сходству, не парадигмально, не метафорически. Дети отдельно, подростки отдельно, молодые люди отдельно, старики отдельно... Но если исходить из теории вертикальных сообществ, то, в соответствии с постулатом Анаксагора, «все есть во всем». Среди молодежи есть дети, отроки и старики... Среди стариков есть дети, отроки, молодые и старые... Такова же и логика метафорического мышления: «все во всем», молодое в старом и старое в молодом, детское в зрелом и зрелое в детском...

Возникает вопрос: а не сводится ли все именно к метафоре? На каком основании можно говорить о том, что у каждого возраста есть собственный возраст, у каждого детства — свое детство, молодость, старость? Не метафоры ли это?

Да, метафоры, но не только метафоры. Это такие метафоры, которые применяют к возрастам человеческой жизни их собственную меру, т.е. берут за основу внутривозрастной периодизации то же деление по возрастам, которое обычно применяется ко всей жизни человека. А откуда взять лучшее деление, коль скоро оно исторически сложилось в самых разных культурах, подтверждается и на интуитивном, и на теоретическом уровне? Никуда нам не деться от этих первообразов и первотерминов растущей жизни: детство, отрочество, молодость... И если они применимы к возрастной динамике человеческой жизни, то и внутри каждого возрастного сегмента, поскольку он есть часть этой динамики, можно обнаружить ту же морфологию времени, то же чередование ее главных форм и фаз: детство, отрочество, молодость... Если у возрастной динамики есть некоторый принцип структурного сложения, то он действует и в ее целом, и в частях этого целого, каждая из которых воспроизводит в уменьшенном виде его свойства. Каждая жизнь состоит из множества жизней. И каждый возраст в ней

состоит из множества возрастов, сменяющих друг друга по той же модели, по какой эти возрасты сменяются в масштабе целой жизни. Возраст — это фрактал, бесконечно делимый фрагмент времени.

Значит, и подвозрасты жизни делятся на подподвозрасты. На этом, третьем, уровне таких элементов становится уже 125 (5^3). В самом деле, ведь и в том возрастном отрезке, который мы обозначаем как детство детства (порой его именуют младенчеством), тоже можно выделить пять меньших периодов: детство детства детства, когда младенец еще почти все время спит; отрочество детства детства, когда он начинает морщиться, плакать, страдать от непосильной тяжести навалившегося на него мира и его чувственного изобилия; молодость детства детства, когда младенец начинает гулить, улыбаться, вести себя смело, браво, активно пытается овладевать вещами, чарует окружающих; зрелость детства детства, когда младенец начинает ходить и говорить, осваивает окружающее пространство и выражает свою мысль; старость детства детства, когда младенец, уже начавший ходить и говорить, вдруг начинает скучать, томиться, не знает, что делать с собой, ожидая перехода в следующий подподвозраст: детство отрочества детства.

Такие микропериоды вполне реально выделяются в поведении ребенка; они описаны (не используя этих терминов) в книге «Отцовство» (подробно прослежено развитие младенца с рождения до 1 года 2 месяцев (до первых слов и первых шагов), т.е. смена подвозрастов детства детства (третий уровень возрастного деления)) [4]. Но и внутри них можно было бы выделить свои микромикропериоды, подподподвозрасты, дальше фрактально деля возрастной узор жизни. В принципе, такому делению нельзя положить конец, потому что время жизни, как и пространство береговой линии, континуально, и всюду, даже на уровне минутных колебаний настроения, можно обнаружить их детскую, отроческую, старческую составляющие... Вопрос уже в практической целесообразности: нужно ли, измеряя длину береговой линии, замерять все кустики мха, которые растут над водой, все камешки гальки и каждую песчинку (и какой ширины взять полосу)? Очевидно, что в практических целях лучше остановиться на каком-то заданном масштабе измерения. Так и в изучении возрастных стадий жизни имеет смысл остановиться в зависимости от конкретных задач на втором или третьем уровне деления. Детство

детства — это вполне осязаемая возрастная реальность, которая занимает около года. Разделение ее на подподвозрасты (третий уровень) тоже имеет практический смысл, но уже в более узких, детальных психологических, физиологических, педагогических исследованиях. Стоит ли выходить на четвертый уровень — подподподвозрастов? Заранее невозможно определить, хотя такая реальность, несомненно, тоже существует. Ведь изучают же строение мха, но уже в ботанике, а не в плане исследования длины береговой линии. Так что и микромикроисследования времени человеческой жизни тоже вполне оправданы, но стоит ли к ним применять возрастную терминологию и концептуальный аппарат — это вопрос открытый.

Между биологическим возрастом и возрастом души, характера нет прямого линейного соответствия. Человеческая жизнь — нелинейная система, может быть, самая нелинейная из всех систем, что обусловлено свободой духа, непредсказуемостью каждого выбора. Это отражается и на структуре возрастов. Если уж бывает затянувшаяся весна, с заморозками и холодными ветрами, никак не переходящая в лето, то тем более бывает и затянувшееся детство. Инфантилизм может сопутствовать человеку и в отрочестве, и в молодости, вплоть до глубокой старости. А бывают, напротив, сенильные дети и отроки, с печатью преждевременного старчества на лице, с наморщенным лбом и печатью недетских раздумий. Не обязательно это проявляется как патологическая задержка или опережение биологического развития — такое расхождение возрастов души и тела скорее норма, чем аномалия. Редко у кого структурно-динамический возраст, возраст души, совпадает с биологическим. Андрей Вознесенский в своей прозе о Пастернаке «Мне четырнадцать лет» заметил: «Есть художники, отмеченные постоянными возрастными признаками. Так, в Бунине и совершенно по-иному в Набокове есть четкость ранней осени, они будто всегда сорокалетние. Пастернак же вечный подросток, неслух... Лишь однажды в стихах в авторской речи он обозначил свой возраст: «Мне четырнадцать лет. Раз и навсегда» [2]. 14 лет — отрочество души. Поэты вообще склонны к ювенильности, и поэтому так трагически переживают конец молодости, начало зрелости, предпочитая порой сходить с круга жизни, не вступая в возраст, противный душе (Пушкин, Есенин, Маяковский... Можно

усмотреть трагическую роль не только социально-событийных, но и возрастных мотивов в судьбе Лермонтова, Блока, Цветаевой). Философы, напротив, склонны к сенильности и порой проводят первую, неуютную половину жизни маленькими старичками, чтобы потом расцвести и биологически догнать себя в зрелости и старости. Так что возрастная динамика еще сопряжена и с профессионально-творческим складом личности.

Еще одна особенность возрастной динамики — парадоксальность. Человек преклонных лет бывает моложе и раскрепощеннее юных. Прежние возрасты в нас не только продолжают жить, они периодически заостряются, а порой даже впервые по-настоящему пробуждаются, когда их время, казалось бы, давно прошло. Отрочество и молодость часто внутренне подавлены потугами на взрослость, стремлением быть старше своих лет. А когда человек уже испытал все прелести взрослости, он, подходя к зрелой зрелости, к рубежу 50 лет, может расслабиться и позволить себе быть юным. В отрочестве или в молодости не хватает времени на то, чтобы их глубоко пережить, войти во вкус, испытать в полной мере — человек торопится вперед и вперед, ему хочется поскорее добраться до зрелости. Когда же она уже достаточно испытана, можно заново развернуть все эти возрасты и перечитать их не спеша, как пройденные ранее в школе книги, — уже не для того, чтобы сдать экзамен на «готовность к жизни», а потому, что это и есть настоящая жизнь, настоящие книги, и других не дано. Глядя на хмурого, зажатого, самозагнанного 20-летнего, обремененного задачей ускоренного самоопределения, ответственностью за будущее, 50-летний может вполне оценить тот резерв беззаботной юности, который он себе накопил трудами прежних лет. И то, что на общей схеме обозначено как зрелость зрелости или старость зрелости, вполне может пройти под знаком молодой молодости, которая была в свое время недооценена, урезана до функциональной «подготовки к будущему». Это будущее, уже наступив, может уступить место прошлому.

Такая рокировка возрастов: зрелость в ранней молодости, молодость в поздней зрелости — особенно характерна для современных обществ, где социальная ответственность все больше перекладывается на молодых; уже школьники в старших классах испытывают ее подчас нестерпимый гнет (что ведет к росту

юношеских самоубийств). Зато ее бремя снимается с плеч 50—60-летних: социальная инерция или разгон, достигнутый к середине жизни, дальше уже сравнительно легко толкает их с уровня на уровень, позволяя заново или даже впервые пережить юность на переходе из зрелости в старость.

Возрастная динамика — процесс нелинейный: опережение по возрастной фазе может перейти в отставание и наоборот. Так, Пушкин, по воспоминаниям современников, был малоподвижным, созерцательным, стариковатым ребенком, и лишь с переходом к отрочеству и особенно в юности в нем проявилась та подвижность, гиперактивность, которая в зрелом возрасте уже могла даже производить впечатление инфантильности или ювенильности (недаром Пушкина прозвали Сверчком и уже в 1820-е гг. называли его-зой, как ребенка). По-видимому, нелинейная динамика возрастных процессов задается на уровне фракталов — подвозраста или даже подподвозраста — и лишь потом переходит в масштаб макровозрастных сдвигов. Достаточно детству детства чуть затянуться (ребенок начинает позже ходить, говорить) — и вот уже сыплется все возрастное домино, весь порядок предстоящих подвозрастов и возрастов. Да, в сущности, и нет никакого строгого порядка, есть лишь условная общечеловеческая идеализация множества разных возрастных траекторий. Вот почему так важно, не ограничиваясь макрокатегорией возраста, углубляться в его фрактальные доли, которые создают столь сложную и уникальную картину возрастной динамики для каждого индивида.

Фрактальная теория возраста проливает свет и на общую направленность человеческой жизни, смысл которой определяется только в повышающемся порядке ее нелинейной динамики. У фракталов есть нисходящий и восходящий порядок. В нисходящем порядке они делятся, уменьшаются в своем масштабе. В восходящем порядке они складываются, образуя картину большего масштаба. Человек — существо определенного, среднего масштаба, действующее на том уровне вселенской жизни, который ему подведомствен; он неизменно централен, поскольку нисходящие и восходящие порядки бытия отсчитывает от самого себя. Но мы знаем, что благодаря ничтожным процессам на микроуровне может радикально меняться ситуация макроуровня. Именно потому, что большая форма самоподобна и состоит из множества малых,

каждая из них может непредсказуемо решать судьбу целого, поскольку и оно, в обратном порядке отсчета, подобно всем своим частям. Свойство самоподобия легко оборачивается. Азбучно известна фрактальная притча, что бабочка, махнувшая крыльями в Китае, может вызвать бурю в Бразилии. Кстати, предвосхищение этой «крылатой» мысли есть в стихотворении Б. Пастернака, которое так и называется «Бабочка-буря» (1923):

Питается пальбой и пылью
Окуклившийся ураган.

Нечто неопределимо маленькое — пальба, пыль — может вывести атмосферную систему из стабильного состояния и создать переход, в котором открываются две разные возможности ее дальнейшего развития (развилка, бифуркация), потом четыре, шестнадцать и, наконец, неограниченный набор возможностей, хаос, ураган, из которого сложится порядок будущего.

Как эта фрактальная концепция сказывается на представлении человека о своих собственных путях и целях в мироздании? Маленькое существо, может быть, даже единственное разумное существо в мироздании, он может своим поведением вызвать цепь непредсказуемых последствий в масштабе всей Вселенной и даже за ее пределами, если она, в свою очередь, составляет фрактал объемлющей сверхвселенной. Вопрос: что же делать человеку, чтобы пробиться в этот больший масштаб, чтобы участвовать в судьбах мироздания? Ведь неизвестно, какие именно наши слова, мысли, поступки могут вызвать наиболее длинную цепь масштабно растущих последствий, переходящих из порядка в порядок, из размера в размер — по восходящей. Ответ напрашивается из притчи: изо всех сил махать крыльями и летать во всех возможных направлениях. Множить развилки разных слов, мыслей и дел. Сама непредсказуемость последствий вызывает к бесконечному варьированию их причин. Поскольку заведомо неизвестно, каким ключом откроется дверь следующего мирового порядка, нужно перебирать ключи во всех мыслимых вариациях вырезов и бороздок. Поскольку нам не дано предугадать, как наше слово отзовется, нужно множить развилки слов, оставляя свободу грядущему взять любое из них своим камертоном. Нужно усиливать резонансные свойства среды, чтобы из нее как можно больше посылалось колебаний будущему, чтобы бытие омолаживалось, чтобы овозможивалось как можно больше его вариантов... Действовать можно по-разному: бессознательно — пылью или сознательно

— пальбой окуклить ураган и построить из него новый порядок. Продуктивность этих двух методов также непредсказуема. Есть люди, которые палят изо всех сил — и ничего не происходит. А есть и такие, которые нечаянно уронят пылинку или оботрутса обо что-то своей золотой пылью — и мир уже поехал, уже другой.

Если каждый возраст состоит из нескольких возрастов, то сама колебательность этой фрактально-многослойной структуры отвечает за смысл человеческой жизни, усиливает ее резонансное воздействие на будущее. Возрасты не только сменяются, но сосуществуют в человеке. Даже не дожив еще до детства старости, он уже несет в себе старость детства... В каждый момент жизни человек состоит из **всех** своих возрастов, подобно тому, как каждый возраст тоже проходит через все другие возрасты, содержит их в себе. Это и есть та **фрактальная структура личности**, которая отзывается на фрактальную структуру мироздания и может сама судьбоносно отозваться в нем.

Человек, который вполне соответствует мерке одного возраста и лишен признаков, призывков других возрастов, — недочеловечен. Он носит свой возраст как ладно пригнанный костюм, под которым ощущается не живое тело, а пластиковая кукла. **Одновозрастный** человек — муляж, выставленный в воображаемом музее человеческого возраста.

Есть два типа возрастной редукции — подвижный и неподвижный. Одновозрастный человек может легко скользить по глади своего текущего возраста, всецело с ним совпадая, или застрять в одном возрасте, который огибается потоком жизни, не затрагиваясь им. Подвозрастный тип и надвозрастный тип. Один всегда соответствует своему фактическому возрасту, другой — своему психическому возрасту.

Подвозрастный человек всегда под стать своему физическому возрасту, целиком ложится в его рамку. Вот эта девица — ей 22, и она точно этому соответствует, 14-летней или даже 20-летней в ней уже не осталось, не различить. Она скроена по мерке своего возраста, каждая краска, каждый волос, каждый жест в ней кричит: «Мне 22!» А через три года ей будет 25, и ни годочком больше или меньше. И так до... дай ей бог долгих лет жизни. Конечно, в 70 она будет выглядеть на 60, но такое искусное замедление входит в природу женского возраста. Она будет выглядеть в точности как женщина, которой «в 70 можно дать 60».

Именно о таких блаженно-линейных людях, прямо скользящих по линейке своего возраста, писал Пушкин в «Евгении Онегине» (гл. 8, X—XI):

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным сном не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был фант иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N.N. прекрасный человек.
Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она...

Удивительно, что многие читатели и даже критики, слышав «блажен», так и продолжают воспринимать этот эпитет с ликованием, на полном серьезе. «Блажен, кто смолоду был молод», — приговаривают они, похлопывая по плечу подгулявшего юнца или оправдывая свое лихачество. Но в том-то и дело, что «прекрасный» человек, бывший в молодости сполна молодым, а в зрелости — сполна зрелым и не сохранивший в себе ни одного из прежних возрастов, — это не только смешная, но и грустная пародия на человека. В тридцать лет ему ровно тридцать, а в пятьдесят — уже ровно пятьдесят. Он легко меняет свой возраст, оставаясь одновозрастным. Другие возрасты не посещают его хотя бы странными снами «о чем-то большем», и оказывается, что и детство, и отрочество, и молодость были даны ему «напрасно»: они прожиты — и изжиты, выброшены, как изношенные костюмы. Муляж всегда одет по возрасту и с иголочки.

От подвозрастного человека следует отличать **надвозрастного**, застывшего навсегда в каком-то возрасте, ему изначально присущем. Уже упоминалось, что некоторые люди всю жизнь ухитряются прожить почти младенцами, или почти стариками, или деловитыми здоровяками «в расцвете лет», меняя только физи-

ческий возраст, но постоянно пребывая в одном возрастном складе личности. Поэтому они часто воспринимаются как «иновозрастные», фатально попавшие не в свой возраст: стариковатый мальчик, важно расхаживающий и морщащий лоб вдали от своих резвых сверстников, и мальчиговатый старичок, резво подпрыгивающий, неумолчно хихикающий, неугомонно шаловливый и внешне отличный от своего внука только морщинами

и сединой. Так надвозрастен у Гоголя Акакий Акакиевич Башмачкин: казалось, он «родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове». Таков же и чеховский Беликов: очевидно, он уже родился в футляре, в калошах и с зонтиком. Поэтому все детское, отроческое, молодое: возня и смех гимназистов, езда Вареньки на велосипеде — не вызывает в нем ничего, кроме отвращения и боязни.

Все они одновозрастные люди, но в отличие от подвозрастных, всегда совпадающих со своим текущим возрастом, эти надвозрастные значительную часть жизни с ним враждуют и далеко не всегда «блаженны»: они могут глубоко страдать от того, что их засунули в слишком юное или слишком старое тело. Беликову, например, даже в его среднем возрасте жить неуютно, тревожно, хлопотно, он — человек «старой старости», и потому попадает в самую точку своего внутреннего возраста, когда оказывается в гробу. «Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала!» Надвозрастные и подвозрастные — люди точечного или линейного типа. Они либо находятся постоянно в точке одного, врожденного, возраста, либо скользят по линии всех возрастов, меняя точки, но оставаясь все время на одной прямой.

Но есть и такие многосоставные личности, на которых линейная геометрия кончается, они фрактально мерцают на возрастной шкале. Не совсем даже ясно, кто перед тобой, с кем говоришь. Пятидесятилетние волосы, тронутые сединой; сияющие восемнадцатилетние глаза; десятилетняя улыбка с ямочками на щеках; а слова бурлят и лепечут в наивно-мудром диапазоне от десяти до семидесяти... Или так: пожатию руки двадцать лет, выражению глаз — шестьдесят, улыбке — пятнадцать, словам — тридцать. Но дело не во внешности, а в той гулкости, резонансности, кото-

рая ощущается в душевном устройстве. Оно отзывается на разные звуки и сложно переливает их в себе. Про такого человека нельзя сказать, что он вневозрастный, как хвойное дерево внесезонно: зимой и летом — одним цветом. Это **многовозрастный** или даже **всевозрастный** человек, в котором все возрасты по-разному говорят, как все клавиши звучат на хорошо настроенном инструменте. Иногда эти возрасты перебивают друг друга, захлебываются от полноты самовыражения, которую трудно втеснить в приличную, проработанную манеру одного возраста [1]. Многовозрастность не следует путать с многоролевым поведением личности, множественностью ее функций в ходе социального общения. Так, Эрик Берн (Eric Berne) выделяет три состояния Я: «Мы считаем, что человек в социальной группе в каждый момент времени обнаруживает одно из состояний Я — Родителя, Взрослого или Ребенка. Люди с разной степенью готовности могут переходить из одного состояния в другое». В данном случае «ребенок» и «родитель» — не возрасты, присущие данной личности, а ее амплуа, причем под «родителем» имеется в виду «игровая» роль, усвоенная ею от родителей: «Высказывание „Это ваш Родитель“ означает: „Вы сейчас рассуждаете так же, как обычно рассуждал один из ваших родителей (или тот, кто его заменял). Вы реагируете так, как прореагировал бы он — теми же позами, жестами, словами, чувствами» [1].

Многовозрастность не всегда ясно выражена внешне, порой она открывается лишь глубинно соучастному взгляду. На поверхности, в общественных или служебных отношениях человек может быть одновозрастным, функционально однородным, и лишь любовь обнаруживает в нем то детское, отроческое, разновозрастное, что среда подавляет в нем или он сам вытесняет в себе. По сути, любовь есть особый дар раскрывать в человеке его многовозрастность. В человеке средних лет вдруг открывается ребенок, к которому испытываешь двойную нежность, и вместе с тем старик, по отношению к которому усиливается чувство верности, пожизненной обреченности. Да и в самом любящем приоткрывается множество возрастов, и все они начинают сцепляться и играть с возрастами любимого. В *этом* неожиданном смысле вспоминается пушкинское «любви все возрасты покорны»: не люди разных возрастов, но все возрасты в одном человеке. Между любящими одновременно или попеременно устанавливается множество отношений: матери к ре-

бенку, и девочки к отцу, и молодой зрелости к зрелой молодости, и слегка покровительственное — 16 лет к 14, и вполне ученическое — 16 к 25... И все эти нити разновозрастных отношений сплетаются в тугую узел душевно-телесной близости, который оттого так трудно разорвать, что он состоит из множества дополняющих и укрепляющих друг друга возрастных союзов.

Но любовь, преображая любящих в глазах друг друга, редко способна совершить такой же подвиг преображения в глазах окружающих. Иначе все люди стали бы всевозрастными, всечеловеками. Собственно, великий человек — это человек, живущий по законам «любимости», в увеличительном стекле любовного к себе отношения: столь же свободный, искрящийся, неиссякаемый, каким его видит и знает любовь. Но как ни увеличивает любовь масштаб человека, не всем любимым дано стать великими. Так и многовозрастность лучше считать объективным свойством или даром отдельных личностей, не исключая того, что обращенная к ним любовь, дружба, участность могут укрупнять и высвечивать этот дар.

Многовозрастный человек нелинеен, между его текущим возрастом и всеми остальными его возрастами нет прямой связи, она всякий раз устанавливается заново. Даже для себя он полон сюрпризов, детский каприз, или отроческая дерзость, или юношеская надменность могут прорваться вдруг через взрослую обходительность. Нелинейный по возрасту, он нелинеен по нраву. И часто психологически неуловим. Он может двигаться по шкале возраста одновременно вперед и назад, широко расходясь с самим собой, точнее, охватывая собой диапазон разных возрастов, как буд-

то кто-то играет на них как на просторно раскинутой клавиатуре. Молодея лицом, он может одновременно стать старше себя по манере или смыслу речи. По мере старения в нем может пробуждаться юноша, каким он никогда не был в своей юности, или даже подросток, каким он никогда не был в отрочестве. Контурные разных возрастов накладываются, зыблются, расплываются. Сколько лет этому человеку? Сорок? Да, но еще и двадцать, и триста... Рядом с ним вдруг забывается даже возраст мира. В каком мы времени? Откуда взялся этот многовозрастный человек? Из Средних веков или из итальянского Возрождения? Из французского Просвещения или викторианской Англии? Или он из Америки XXII в.? Или из России XXV? Вообще, какое тысячелетие у нас на дворе? Время вдруг начинает морщиться, волноваться, как занавес, перед тем как распахнуться. А что за ним? Дым, туман, струна звенит в тумане... Вокруг таких всевозрастных людей начинаешь сильнее чувствовать зыбкость миропорядка и возможность новых времен или сверхвременья, которые исподтишка готовятся в них.

Литература

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих отношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. Пер. с англ. / Под общ. ред. М.С. Мацковского. СПб.: Лениздат, 1992. С. 17.
2. Вознесенский А. Мне четырнадцать лет // Стихи. Проза. М., 1987. С. 409—410.
3. Данилов Ю. Фрактальность // Знание — сила. 1993. № 5.
4. Эпштейн М. Отцовство. Метафизический дневник. СПб.: Алетейя, 2003.